

сти» при среднемесячном доходе на одного взрослого члена семьи не более прожиточного минимума в его регионе. При этом никакого другого квотирования (по полу, возрасту и т.п.) не осуществлялось, и выборка носила случайный характер.

Однако надо подчеркнуть, что под бедными в книге подразумеваются отнюдь не те, кто вошел в специальную довыборку, а те, кто отвечал содержательным критериям бедности в обоих опросах. Отчасти это было связано с выделением бедных в общем репрезентативном массиве данных опроса 2013 г., а отчасти с тем, что при подготовке книги уже стало возможным использовать данные о прожиточном минимуме в регионах опроса за 1-й квартал 2013 г., отсутствовавшие в момент проведения опросов. Это привело к некоторому изменению не только численности, но и состава бедных в каждом регионе. Кроме того, наличие к моменту подготовки книги статистических данных о прожиточном минимуме в различных регионах для разных групп населения (трудоспособные, пенсионеры, несовершеннолетние дети) позволило благодаря наличию в анкете вопроса о составе домохозяйства более точно выделить тех, чьи среднедушевые доходы оказались ниже официальной «черты бедности» для соответствующей группы в каждом регионе⁴.

Исследование и настоящая книга подготовлены рабочей группой ИС РАН. Руководители исследования:

- академик РАН М.К. Горшков (концепция, программа и инструментарий исследования, общая редакция);
- д.соц.н., профессор Н.Е. Тихонова (концепция, программа и инструментарий исследования, общая редакция).

Члены рабочей группы: к.э.н. В.А. Аникин; к.соц.н. Ю.П. Лежнина; к.соц.н. С.В. Мареева; к.э.н. Е.И. Пахомова; к.ф.н. В.В. Петухов; к.соц.н. И.О. Тюрина; Н.Н. Седова.

Научный консультант исследования – доктор Р. Трауб-Мерц.

М.К. Горшков

Методика выделения бедных детально описана в главе 1 настоящей монографии. В настоящем исследовании под бедностью понимается несовершеннолетний ребенок, чья семья имеет доход ниже прожиточного минимума на одного взрослого члена семьи в регионе. Важно отметить, что в исследовании не проводилось квотирование по полу, возрасту и т.п. Поэтому в книге представлены результаты для всех домохозяйств, в которых есть несовершеннолетние дети, независимо от их дохода. Важно отметить, что в исследовании не проводилось квотирование по полу, возрасту и т.п. Поэтому в книге представлены результаты для всех домохозяйств, в которых есть несовершеннолетние дети, независимо от их дохода.

⁴ Методика выделения бедных детально описана в главе 1 настоящей монографии.

1 ГЕТЕРОГЕННОСТЬ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.Е. Тихонова

Ходячим штампом стало утверждение, что бедность выступает в российской культуре чуть ли не добродетелью, а идея аскезы, в прошлом характерная для православия, вошла в живую ткань культуры русского народа и его жизненного идеала. Но так ли это сегодня, когда со всех сторон льется безудержная пропаганда идеалов общества потребления, а с экранов телевизоров изо дня в день настойчиво внушается мысль о том, что ценность любого человека определяется прежде всего маркой и количеством тех предметов, которыми он владеет? Не превращаются ли сегодня бедные в своего рода изгоев, париев, недостойных ни уважения, ни сочувствия? Как вообще россияне понимают бедность, какая часть из них живет сегодня за «чертой бедности»? А главное, можно ли рассматривать российских бедных как гомогенную группу, или же российская бедность гетерогенна, и в зависимости от того, о каких именно бедных пойдет речь, будут меняться и их портрет, и необходимые меры поддержки им?

Попробуем хотя бы вкратце ответить на эти вопросы – ведь, несмотря на появление в последние годы ряда интересных работ¹, посвященных анализу современной российской бедности, ответа на них до сих пор нет. В то же время они очень важны и для понимания

¹ См., например: Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009; Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2011. № 33; Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. 2012. № 2; Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1 и др.

общего вектора развития российского общества, и для совершенствования государственной политики борьбы с бедностью.

Как свидетельствуют имеющиеся эмпирические данные, реальная картина восприятия бедности в современной российской культуре не тяготеет ни к ее идеализации, ни к осуждению. Так, если говорить об отношении к бедным, то доминирующим отношением к бедности у россиян является сочувствие (36%) (рис. 1.1). Если же учесть тех, кто относится к ним либо с жалостью (16%), либо с уважением (2%), то можно утверждать, что *российам сейчас свойственно относиться к бедным, скорее, позитивно*.

Рис. 1.1. Как россияне относятся к бедным, 2013 г.

В то же время почти половина населения не испытывает к бедным ни сочувствия, ни жалости, ни тем более уважения. Более трети россиян вообще не выделяют бедных как особую категорию, заслуживающую какого-то специального отношения, и выстраивают свои отношения с ними лишь на индивидуальной основе, по впечатлению от конкретного человека. Еще 7% к ним откровенно безразличны. И хотя негативно (с презрением, подозрением или неприязнью) к бедным относятся считаные единицы (2%), такое «индифферентное» отношение к ним заметно отличается от существовавшего в российской культуре ранее, в том числе и сравнительно недавно – всего 10 лет назад.

Так, если сравнить данные исследований ИС РАН в 2003 и 2013 гг., то видно четко прослеживающееся ухудшение отношения к бедным. Как видно на рис. 1.2, за последние 10 лет среди россиян резко (более чем в полтора раза) сократилось число относящихся к бедным с сочув-

Рис. 1.2. Динамика отношения россиян к бедным, 2003 и 2013 гг., %

ствием и одновременно сильно (тоже более чем в полтора раза) увеличилась доля тех, кто относится к ним не лучше и не хуже, чем ко всем остальным. Почти втрое выросла за этот период и доля относящихся к ним безразлично.

Особенно индифферентно относятся к бедным те, кто не имеет бедных в своем ближайшем окружении. Среди них с сочувствием (31%), жалостью (17%) или уважением (1%) относятся к бедным в общей сложности менее половины. Отметим в этой связи, что для российского общества в последние годы характерны все большее «закрытие» различных социальных слоев и рост числа не имеющих бедных среди родственников, знакомых, соседей, друзей: в 2003 г., например, не имели бедных в своем ближайшем окружении 18% россиян, а в 2013 г. таковых стало уже 33%, т.е. почти вдвое больше.

Серьезные изменения происходят и в восприятии россиянами как причин бедности, так и самих бедных. Так, если говорить о причинах бедности, то за прошедшие годы резко уменьшилась, с точки зрения россиян², роль в попадании в бедность такого фактора, как невыплата или задержка зарплаты по месту работы (табл. 1.1). Если в 2003 г.³ именно эта, внешняя по отношению к самим работникам,

² Вопросы о причинах бедности задавались в исследованиях 2003 и 2013 гг. в форме, предполагавшей оценку респондентами причин бедности тех людей, которых они хорошо знают: родственников, друзей, соседей, коллег по работе. Фактически респонденты выступали в этом вопросе в роли экспертов, хорошо знающих предмет обсуждения.

³ Речь идет о данных общероссийского опроса «Богатые и бедные в современной России» (2003). Подробнее о нем см. в Приложении.

Таблица 1.1
Динамика представлений россиян о причинах бедности людей из их ближайшего окружения, 2003 и 2013 гг., % от имевших бедных в своем окружении
 (допускалось до пяти ответов, отранжировано по данным 2013 г.)

Причины бедности	2003	2013
Длительная безработица	41	41
Болезнь, инвалидность	37	40
Алкоголизм, наркомания	35	39
Недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению	38	32
Семейные неурядицы, несчастья	25	31
Лень, неприспособленность к жизни	22	23
Плохое образование, низкая квалификация	23	21
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых	20	20
Невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий	47	19
Низкий уровень жизни их родителей	20	19
Нежелание менять привычный образ жизни	19	18
Наличие большого числа иждивенцев	17	17
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	17	17
Им просто не везет	14	13
Они мигранты, беженцы	5	4

Примечание. Жирным шрифтом выделены позиции, в оценке которых разница показателей в 2003 и 2013 гг. составляла более 3%, т.е. величины статистической погрешности, в пользу 2003 г., а жирным курсивом – те, по которым распространенность их с 2003 г., напротив, выросла.

структурная причина бедности была бесспорным лидером в рейтинге этих причин, то в 2013 г. в списке причин бедности она занимала лишь 10-е место. Сократилась также, хотя и в гораздо меньшей степени, роль такой причины бедности, как недостаточность государственных пособий по соцобеспечению, зато выросла значимость разного рода семейных несчастий (смерть кормильца и т.п.) и алкоголизма/наркомании.

Таким образом, нынешняя ситуация с бедностью в России связана в восприятии населения уже не столько с общей экономической ситуацией, как это было в 2003 г., сколько с неправильным поведением самих бед-

ных или теми несчастьями, которые произошли в их семьях и не компенсируются должным образом мерами государственной социальной политики.

С этими изменениями хорошо согласуется и портрет бедных, формирующийся сегодня в сознании россиян. Хотя 71% их все еще считают, что бедные ни в чем с точки зрения их морально-нравственного облика не отличаются от остального населения, но почти 30% уверены, что такие отличия есть, и главное из них – распространность в среде бедных пьянства и наркомании (60%). Среди других таких особенностей относительно чаще упоминаются присущие бедным хамство, грубость, нецензурная брань (10%), плохое воспитание ими собственных детей и невнимание к ним (6%), проституция (4%) и т.д. Следовательно, *отчетливо прослеживается начало стигматизации бедных в российском обществе, формирования их портрета как портрета андеркласса, отличающегося от остального населения страны не только уровнем доходов, но также своим поведением.*

Изменения взглядов россиян на причины бедности, как и особенности портрета бедных в общественном сознании в современной России, свидетельствуют, что в последние годы восприятие бедности индивидуализируется. Действительно, одно дело, когда люди оказываются в бедности из-за смерти кормильца семьи, тяжелой болезни кого-то из членов домохозяйства и т.п., а государство не учитывает возникающих при этом рисков бедности и практически не оказывает помощь данным категориям. К таким людям россияне и сегодня в массе своей относятся с сочувствием и жалостью. И совсем другое, когда к бедности приводят алкоголизм и наркомания, а это, судя по всему, происходит все чаще. Таким бедным типичный россиянин отнюдь не склонен сочувствовать и не понимает, почему за счет его благосостояния им надо помогать из бюджетных средств, тем более, что «все равно ведь проплют». В этом отношении *идеология усиления адресности социальной помощи с выделением степени нуждаемости как главного критерия для помощи человеку, активно пропагандируемая в последние годы, приходит в полное противоречие с жизненным опытом и взглядами рядовых граждан страны.*

Итак, «закрытие» благополучных социальных слоев, изменение значимости различных причин бедности и портрета бедности в общественном сознании, начавшаяся стигматизация бедных приводят к тому, что *бедность в восприятии россиян все меньше сама по себе выступает основанием для априорного сочувствия оказавшимся в сложном положении людям, отношение к которым начинает выстраиваться в современном российском обществе исходя уже не из факта, а из особенностей причин их бедности. Тем самым из «категориального»*

оно превращается в «индивидуальное», связанное с жизненной ситуацией конкретного, определенного человека. Одновременно бедные как специфическая социальная группа, заслуживающая какого-то особого отношения, все дальше отодвигаются на периферию сознания наших сограждан. А это значит, что помочь бедным как таковым, как особой социальной группе, все больше уходит из актуальной для большинства населения страны «повестки дня».

Посмотрим теперь, кого же россияне считают бедными, насколько обоснована их точка зрения и как она соотносится со взглядами специалистов по этой проблеме. Сразу подчеркнем, что ответы на эти вопросы будут полностью зависеть в России от того, кто будет на них отвечать. Так, для экономистов бедные выступают прежде всего объектом экономической помощи, а соответственно, необходимо в первую очередь оценить их материальные ресурсы, дефицит доходов, финансовые затраты на помощь им и т.п. Поэтому *бедные для них – это чаще всего те, чей доход меньше, чем определенная, изначально заданная как «чертта бедности» сумма* (в рублях, долларах, евро и т.д.). При этом «чертта бедности» (прожиточный минимум) задается *директивно, на основе расчетов экспертов*. Отчасти такой же подход (известный в науке как **абсолютный подход к бедности**) характерен и для представителей экономической социологии.

Для социологов же бедные выступают как особая группа общества, характеризующаяся специфическим местом в социальной структуре, иными, чем у всего населения, возможностями и жизненными шансами, а, следовательно, *бедные – это не те, кто имеет доходы ниже какой-то расчетной величины, а те, кто живет бедно*. Причины несовпадения этих двух групп могут быть различны. Так, к очень низкому уровню жизни при доходах, формально находящихся выше прожиточного минимума, может приводить специфика расходов соответствующего домохозяйства (есть тяжелобольной, и много денег уходит на лекарства), наличие в семье наркомана или алкоголика, высокая стоимость жизни в определенном населенном пункте и т.п. В науке этот подход получил название относительного, поскольку бедные в нем выделяются не как выделенная по абстрактно задаваемым критериям группа, а *относительно уровня и особенностей образа жизни большинства членов данного общества* (страны или локального сообщества). Основоположником этого подхода выступил еще в 1970-е гг. известный британский ученый П. Таунсенд⁴.

⁴ Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979.

Сейчас **относительный подход к бедности** используется в науке в двух версиях. Первая из них – **депривационная**, основоположником которой, собственно, и был П. Таунсенд. Она исходит из того, что бедные отличаются от остальных членов сообщества тем, что испытывают лишения, которые остальные не испытывают, причем в рамках разных стран и культур эти лишения (признаки бедности) могут быть разными. Вторая версия относительного подхода к бедности исходит из того, что при определенном уровне дохода, который ниже уровня среднего (или чаще медианного – поэтому этот подход обычно называется **медианным**) дохода, человек обречен на нехарактерные для большинства членов данного сообщества лишения, причем такие лишения, которые ассоциируются в данном сообществе с бедностью. Именно этот подход для выделения бедного населения используют обычно в странах Евросоюза. Индикатором относительной бедности выступает при нем показатель среднедушевых доходов в домохозяйстве на уровне определенной доли (40–60%) медианного дохода по стране, причем чем беднее страна, тем обычно выше показатель доли медианного дохода, «отсекающего» бедных от остального населения⁵.

Наконец, само население России, не мудрствуя лукаво, считает бедными и тех и других. При этом оно имеет четкие представления и о черте бедности «в рублях», и о признаках образа жизни и лишений, характерных для бедных.

Попробуем последовать этой логике и мы. Будем считать бедными и тех, чей доход ниже официально прожиточного минимума (**бедных «по доходу»**), и тех, кто характеризуется образом жизни, ассоциирующимся в сознании россиян в силу испытываемых ими лишений с бедностью (**бедных «по лишениям»**). Поскольку при этом представляют интерес не только общая численность этой объединенной группы бедных, но и их соотношение между собой, то рассмотрим также, как соотносятся две выделенные группы бедных между собой, в чем заключаются их общие и специфические черты.

Сначала оценим ситуацию с бедными «по доходам». Для населения в целом весной 2013 г. *бедным являлся человек, среднемесячный душевый доход которого не превышал 10 000 рублей*.

⁵ Подробнее сравнительный анализ специфики этих подходов к бедности см.: Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению / Колл. монография. М., 1998 (Моск. центр Карнеги. Вып. 24); Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Карабчук Т.С., Пашикова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013 Т. 22. № 1 и др.

вой доход в семье которого составлял 8848 руб. Доходы ниже этого уровня имела, судя по данным исследования, почти четверть россиян (23%). Однако ориентировались ли при этом россияне на представления об определенной минимальной «потребительской корзине» или же они отталкивались от представлений о типичном уровне доходов, который должен обеспечивать минимально приемлемый, «нормальный» образ жизни? Вопрос этот можно задать и по-другому: как арифметически соотносятся «черта бедности», сформированная на основе представлений о ней самих россиян, доходы обычных российских семей и задаваемый регионами в соответствии с предложенной Росстатом методологией прожиточный минимум? Ответ на эти вопросы имеет существенное значение для выработки методологии выделения бедных.

Как показало исследование 2013 г., среднедушевые доходы рядового россиянина в начале 2-го квартала того же года составили 14 575 руб. Таким образом, задаваемая россиянами «черта бедности» в 8848 руб. проходит на уровне примерно 60% среднего дохода на человека в месяц по стране, что соответствует распространенным в социальной политике развитых стран и среди специалистов по бедности представлениям об их оптимальном соотношении при том уровне экономического развития страны, на котором находится Россия.

Однако, если посмотреть на соотношение установленной населением «черты бедности» с медианой распределения доходов, то оказывается, что «черта бедности» проходит на уровне 73,7% их медианы. Это очень заметно отличается от рекомендуемых в развитых странах нормативов их соотношения, находящегося в диапазоне от 40 до 60% медианы доходов. Такая парадоксальная картина объясняется тем, что в России очень низкая медиана доходов населения: фактически есть благополучные 25–30% населения, к которым примыкают еще примерно 15–20% условно благополучных. Что же касается остальных, то, несмотря на наблюдающийся у них формальный рост доходов, фактически их доля в разделе «национального пирога» с годами относительно уменьшается (табл. 1.2). Именно заниженностью медианы доходов и объясняется парадоксальная, на первый взгляд, ситуация «нормального» соотношения представлений россиян о «черте бедности» со среднедушевыми доходами в стране и «ненормального», нехарактерного для развитых стран их соотношения с медианой доходов населения. В результате *медианный доход в его классической версии оказывается в России неприменим или по меньшей мере требует использования показателя «черты бедности», как минимум, в 70% медианного дохода.*

Таблица 1.2
Динамика распределения общего объема денежных доходов населения в 1995–2012 гг., по данным ФСГС РФ⁶, %

Денежные доходы по 20%-ным группам населения	1995	2000	2005	2010	2012
Первая (с наименьшими доходами)	6,1	5,9	5,4	5,2	5,2
Вторая	10,8	10,4	10,1	9,8	9,8
Третья	15,2	15,1	15,1	14,8	14,9
Четвертая	21,6	21,9	22,7	22,5	22,5
Пятая (с наибольшими доходами)	46,3	46,7	46,7	47,7	47,6

Тем не менее существующая в представлениях самих россиян и определяемая через соотношение со среднедушевыми доходами «черта бедности» достаточно логична, и на нее вполне можно опираться в оценках ситуации с бедностью в стране. Важно подчеркнуть, что официально установленная в России «черта бедности» примерно на четверть ниже представлений о ней россиян. Так, по состоянию на 1-й квартал 2013 г., прожиточный минимум составлял, по данным Росстата, в среднем 7095 руб. в месяц (7633 руб. – на трудоспособного, 5828 руб. – на пенсионера и 6859 руб. – на детей). Из них 3307 руб. в составе прожиточного минимума предусматривались на продукты питания, 1642 руб. – на все непродовольственные товары (включая лекарства), еще 1642 руб. – на все услуги (включая услуги ЖКХ и транспорт), а остальное – на налоги и другие обязательные платежи и сборы⁷. Учитывая реальную стоимость одних только услуг ЖКХ, понятно, что такой прожиточный минимум является в современных условиях явно заниженным. Потребность же в систематическом использовании лекарств сразу ставит человека с доходами, даже несколько превышающими официальный прожиточный минимум, в тяжелейшее финансовое положение. Поэтому представления о «черте бедности» россиян в целом, видимо, все-таки ближе к реальности, чем расчеты Росстата, тем более что эти представления также достаточно скромны. Так, 70% населения страны видят «черту бедности» на уровне не выше 7 тыс. руб. на человека в месяц, и только менее трети всех россиян видят ее на уровне 8–10 тыс. руб.

⁶ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm

⁷ http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm

Однако и применительно к последним речь идет отнюдь не о каких-то завышенных требованиях. Просто эта часть населения в массе своей проживает там, где стоимость жизни относительно выше: ведь на представления о «чертеже бедности» заметно влияют тип населенного пункта, в котором проживают респонденты (в мегаполисах и селах, например, эта черта по медиане распределений проходит на уровне 10 тыс. руб. и 7 тыс. руб. соответственно), и регион их проживания. В зависимости от этого фактора представления о «чертеже бедности» различаются ровно вдвое и находятся в диапазоне от 5 тыс. руб. (Воронежская, Челябинская и Ростовская области) до 10 тыс. руб. (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский и Хабаровский края).

Такой разброс отражает тот объективный факт, что *поселенческие и региональные различия в стоимости жизни в России очень велики. При этом поселенческие различия при установлении размера прожиточного минимума Росстата вообще не учитываются, а региональные ставятся во главу угла вплоть до того, что прожиточный минимум устанавливается в каждом регионе отдельно и самостоятельно.* В итоге разброс в величине прожиточного минимума по регионам довольно велик, и хотя и корреспондирует с представлениями населения соответствующих регионов о «чертеже бедности», но может при этом быть как выше, так и ниже ее в зависимости от поселенческой структуры населения, степени ее гомогенности и даже «политических» соображений местного руководства при установлении прожиточного минимума. Так, в Москве медианным значением представлений населения о прожиточном минимуме было 9850 руб., что близко к показателям официального прожиточного минимума, который был установлен на момент опроса в размере 9850 руб.⁸ В Санкт-Петербурге же официальный прожиточный минимум составлял 6892,6 руб.⁹, а по представлениям населения он также должен был быть не менее 10 тыс. руб. Учитывая сходство образа жизни населения двух этих мегаполисов, а также тот влияющий на стоимость жизни факт, что Петербург расположен севернее Москвы, это мнение населения представляется более обоснованным, чем позиция местного руководства при расчете регионального прожиточного минимума.

⁸ Постановление Правительства Москвы от 19.06.2013 № 392-ПП (<http://afga.ru/?p=48>)

⁹ Закон Санкт-Петербурга от 21.11.2001 № 812-106 (<http://gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/news/38082/>)

Тем не менее, несмотря на эти недостатки официально используемой методологии выделения бедных, в целях обеспечения сопоставимости результатов нашего анализа с данными официальной статистики, мы отнесли к бедным «по доходу» только тех респондентов, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых были ниже, чем установленный в их регионах прожиточный минимум для соответствующих категорий населения. Таковых в нашем массиве оказалось 13%. Это почти в 2 раза меньше, чем если ориентироваться на существующую в представлениях россиян «чертежу бедности», но практически совпадает с данными Росстата (13,8%).¹⁰

Интересно, что представления бедных «по доходу» о **причинах попадания в бедность** в современной России заметно отличаются от представлений всего населения. Правда, это касается не столько оценок причин бедности их ближайшего окружения, сколько причин их собственной бедности. Сами бедные относительно чаще выбирают сегодня три главные причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья. При этом они гораздо реже, чем россияне в целом, говорят о таких причинах бедности, как алкоголизм, лень, неприспособленность к жизни, нежелание менять ради заработков привычный образ жизни и даже болезнь. Таким образом, они чаще всего не видят собственной ответственности за свою бедность и винят в ней государство, которое не обеспечило их ни работой, ни пособиями достаточного для преодоления бедности размера. При этом причины бедности своих знакомых бедные «по доходам» оценивают достаточно близко к картине этих причин в восприятии россиян в целом, и в массе своей в данном вопросе они гораздо критичнее (рис. 1.3).

Добавим к этому важному для оценки идентичностей бедных факту то, что, хотя за последние 10 лет среди бедных «по доходам» выросла доля оценивающих свое материальное положение как плохое и даже признающих себя живущими за «чертой бедности», они все же в *массе своей не хотят признавать себя «социальным дном»*, хотя и относят себя в подавляющем большинстве к *нижним слоям общества*. Так, среди бедных «по доходу» при самооценке своего социального статуса по десятибалльной шкале на нижние три «ступени социальной лестницы» отнесли себя более половины. Это связано с уже упоминавшимся выше изменением отношения к бедным в российском обществе:

¹⁰ http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm

не случайно три четверти признающих себя бедными говорили о том, что им приходилось испытывать чувства неловкости и стыда из-за своей бедности. Более того, четверть всех бедных «по доходу» сталкивалась, по их мнению, с дискриминацией, обусловленной именно их материальным положением, которое отражается на их внешнем виде (дешевая одежда и т.п.). Неудивительно, что бедные недовольны своим статусом в обществе: во всяком случае, доля оценивших его как хороший была у них в разы меньше, чем оценивших его как плохой, при том, что в небедном населении доля оценивших его как хороший была в 7 раз больше, чем оценивших его как плохой.

Рис. 1.3. Представления бедных «по доходам» о причинах бедности людей из их ближайшего окружения и о причинах собственной бедности, 2013 г., % от бедных, имеющих бедных в своем окружении (допускалось до пяти ответов, отранжировано по россиянам в целом)

Особенно остро стыд из-за своего положения испытывают те, кто находится в бедности уже не один год. Причем переломным моментом является срок пребывания в бедности более трех лет: именно с этого времени накопление дефицита текущих доходов начинает, видимо, проявляться внешне. Во всяком случае, среди тех, кто признает, что уже более трех лет находится за чертой бедности, которых далее мы будем называть «хронические бедные», практически половина часто испытывает чувство стыда и неловкости за свою бедность, и еще четверть испытывает его хотя бы иногда. Если учсть к тому же, что 40% находящихся в бедности более трех лет ощущают себя объектами дискриминации, а основаниями для этой дискриминации они считают прежде всего особенности, вытекающие из их материального положения (внешний вид и т.п.), то понятно, что *применительно к значительной части бедных можно уже, видимо, говорить не просто о нехватке текущих доходов, а о социальной эксклюзии*.

Посмотрим теперь, как обстоят дела со второй группой бедных – бедных «по лишениям». Напомним, что эта группа была выделена согласно депривационному подходу и объединяет тех, кто реально живет бедно и испытывает ряд лишений, нехарактерных для большинства россиян. Уровень их доходов не обязательно должен быть ниже прожиточного минимума: ведь к очень низкому уровню жизни при доходах, формально находящихся выше прожиточного минимума, как уже отмечалось выше, может приводить и специфика расходов соответствующего домохозяйства.

Если посмотреть на ситуацию с бедностью в России с этой точки зрения, то прежде всего надо отметить: *у россиян есть очень устойчивое представление о том, что именно выступает признаками того, что человек живет бедно*. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян выступают плохое питание, недоступность приобретения новых одежд и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так как хочется свое свободное время, а детям – добиться того же, что и большинство их сверстников (табл. 1.3).

Картина признаков бедности достаточно устойчива, и резко изменились за последние 10 лет показатели лишь по такому признаку, как невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов. Менее заметно, но все же возросла в последние 10 лет, особенно с точки зрения самих бедных, и роль таких отличий их жизни от жизни остального населения, как доступность приобретения и качество одежды

Таблица 1.3
Динамика представлений россиян в целом и бедных «по доходам» о том, чем жизнь бедных семей в России отличается от жизни всех остальных, 2003 и 2013 гг., % (допускалось до пяти ответов, отранжировано по ответам населения в 2013 г.)

Признаки бедности	По мас- сиву в целом, 2003	По мас- сиву в целом, 2013	Бедные по дохо- дам, 2003	Бедные по дохо- дам, 2013
Характер питания	85	73	88	75
Доступность приобретения или качество одежды и обуви	55	58	52	62
Возможность удовлетворения первоочередных нужд без долгов	38	51	37	58
Качество занимаемого жилья	53	47	54	49
Доступность и уровень медицинского обслуживания и лекарств	52	44	52	45
Возможность получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых	40	35	33	28
Возможность проведения досуга, отпуска	33	32	31	32
Возможность для детей добиться в жизни того же, что и большинство их сверстников	25	29	24	28
Доступность культурной жизни (посещение театров, кино, клубов, приобретение книг, журналов и т.п.)	16	16	16	14
Отношение к ним окружающих	10	16	11	12
Возможность иметь интересную работу	9	15	10	21
Большая незащищенность от физического насилия и посягательств на их собственность	17	10	20	9
Возможность активно участвовать в общественной и политической жизни	4	2	3	2

Примечание. Жирным шрифтом выделены позиции, выбранные как признаки бедности, более чем половиной членов соответствующей группы, серым фоном – признаки, изменения по которым в соответствующей группе за 10 лет составили 5% и более.

1. Гетерогенность бедности в современной России

и обуви (что, видимо, отражает процесс дискриминации бедных из-за их внешнего вида, о чем уже упоминалось выше), невозможность иметь интересную работу, а для детей – добиться того же, чего удается добиться большинству их сверстников. Следовательно, речь идет о *таких признаках бедности, которые говорят о превращении бедных в социально исключенных, а саму бедность постепенно переводят в эксклюзию*.

Именно обострение этих проблем в условиях ограниченного числа ответов, которые можно было выбрать в ходе опроса, привело, видимо, и к сокращению роли доступности медицинской помощи как признака бедности: на самом деле, как будет показано в главе 2, ситуация для бедных в данной области и объективно, и субъективно за последние 10 лет ухудшилась. Тем не менее, этот признак бедности, как и невозможность получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых, ограниченность возможностей проведения досуга, в частности недоступность посещения платных культурных мероприятий и т.д., заняли достаточно высокие места в общем рейтинге признаков бедности.

Наличие в общественном сознании довольно четкой картины жизни типичного бедного побудило нас выделить из всех опрошенных россиян тех, чей образ жизни соответствует существующему у населения страны представлению о бедности. После проведения предварительного анализа¹¹ и с учетом особенностей инструментария опросов в 2003, 2008 и 2013 гг., составлявших основную эмпирическую базу исследования, нами были выделены 11 лишений, за наличие каждого из которых присваивались баллы. В число этих лишений входили: самооценка своих возможностей пытаться и одеваться как плохих; отсутствие какого-либо недвижимого имущества в собственности; общее количество товаров длительного пользования в домохозяйствах ниже их медианного значения для россиян в целом; количество товаров длительного пользования не старше 7 лет в домохозяйствах ниже медианного значения для россиян в целом; наличие одновременно двух и более различных видов задолженностей; недостаточная обеспеченность жилплощадью; вынужденное проживание в общежитии, служебной квартире, части дома; отсутствие возможностей использо-

¹¹ В ходе выработки набора лишений, свидетельствующих о пребывании в бедности, учитывалась и тот весьма ограниченный опыт использования депривационного подхода в России, который отражен в литературе (см. прежде всего: Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России).

вания платных социальных (образовательных, медицинских и рекреационных) услуг для себя или детей за последние три года; отсутствие любых значимых улучшений в жизни в последние годы; отсутствие любых форм платного досуга вне дома (посещения спортклубов и секций; посещения театров, концертов, кино; посещения музеев, выставок и выставок; посещения кафе, баров и ресторанов; посещения дискотек, ночных клубов, других развлекательных мероприятий).

Все, набравшие согласно этой методике 4 балла или более, были отнесены в категорию бедных «по лишениям», поскольку, учитывая характер индикаторов, такой показатель свидетельствовал о многомерной депривации. Как показали расчеты, к числу бедных «по лишениям» в 2003 г. относились 39% населения, в 2008 г. – 33% населения, а к 2013 г. их число сократилось до 25% населения. Такое значительное сокращение числа бедных, выделенных в рамках депривационного подхода, обусловлено, прежде всего, улучшением у части ранее бедного населения ситуации с питанием, одеждой и досугом, а также расширением имеющегося набора домашнего имущества.

Важно подчеркнуть, что те, кто испытывает лишения, ассоциирующиеся у населения с бедностью, далеко не всегда бедны «по доходам», т.е. это не всегда те же люди, чей душевой доход ниже регионального прожиточного минимума для соответствующей категории населения. При этом часть тех, кто имеет менее прожиточного минимума, т.е. является бедным «по доходам», не принадлежат к наиболее бедствующим слоям населения, судя по их уровню и образу жизни (рис. 1.4). В то же время четыре пятых тех, кто является бедным «по лишениям», имеют доходы выше прожиточного минимума.

При оценке приведенных на рис. 1.4 данных стоит обратить внимание также на то, что бедность «по доходам» сократилась за последние 10 лет гораздо больше, чем бедность «по лишениям»: с 46 до 13% против 39 и 25% соответственно. Уже одно это заставляет предполагать, что проблема несовпадения этих групп не только в разнице подходов к пониманию такого феномена, как бедность, при их выделении, но и в заниженности показателей прожиточного минимума, используемого Росстатом, применительно к реалиям современной России. В итоге доля бедных также оказывается заниженной в разы.

Еще один важный вывод, следующий из приведенных выше данных, тот, что бедные «по доходам» и бедные «по лишениям» – это хотя отчасти и пересекающиеся, но все же скорее дополняющие, чем дублирующие друг друга, группы бедных. Следовательно, тем интереснее сравнить их между собой, что и будет сделано в этой и последующих главах.

Рис. 1.4. Численность бедных, выделенных в соответствии с абсолютным и депривационным подходами к бедности, 2003 и 2013 гг., %

Однако, прежде чем переходить к такого рода анализу, отметим еще один очень важный факт, относящийся к динамике численности бедных в России за последние 10 лет. Доля бедного населения сократилась за эти годы вдвое: с двух третей до трети населения страны. Причем такое сокращение произошло в основном за счет формального роста доходов населения и сокращения за этот счет доли тех, кто попадает в число бедных «по доходу»: их стало за это время в 5 раз меньше. Одновременно в 5 раз сократилось и число тех, кто оказывался сразу и бедным «по доходу», и бедным «по лишениям». Что же касается бедных «по лишениям», то, как уже отмечалось выше, их число сократилось намного меньше – лишь с 39 до 25% от всех россиян. В результате как в 2003 г., так и в 2013 г. 20% россиян вели образ жизни, который позволяет охарактеризовать их как бедных, хотя доходы их выше прожиточного минимума. Таким образом, эта группа бедных, при всех несомненных успехах

¹² http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm

¹³ http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm

борьбы с бедностью в рамках проводимой государством социально-экономической политики, остается неизменной по численности, а ее удельный вес в составе российской бедности в целом быстро нарастает.

Но, несмотря на то что рост доли небедного населения с 34% в 2003 г. до 68% в 2013 г. – несомненный успех государственной политики борьбы с бедностью, для закрепления этого успеха на будущее необходимо понимать, что бедных в России все-таки в разы больше, чем их насчитывает Росстат, хотя продолжительность, глубина и характер их бедности разные, т.е. российская бедность характеризуется очень высокой гетерогенностью. При этом чрезвычайно опасно, что минимум 4–5% населения, т.е. около 6–7 млн человек, образуют группу глубокой и застойной бедности, которая принципиально отличается от других типов бедности. Так, если ситуационная бедность характеризует тех, кто зачастую в силу каких-то случайных причин попал в ситуацию нехватки текущих доходов на несколько месяцев, а «плавающая» бедность описывает тех, кто в течение нескольких лет то «сползает» за «черту бедности», то чуть поднимается над этой чертой, еще имея шансы выбраться из бедности, то хроническая бедность могла бы избрать своим девизом «Оставь надежду, всяк сюда входящий»: ведь опасность хронической бедности заключается не только в том, что она генерирует межпоколенное воспроизведение бедности (к чему мы еще вернемся в главе 6 данной книги), или в том, что для нее характерно накопление дефицита доходов, затрудняющее выведение домохозяйства из бедности в силу чисто экономических причин и объективно способствующее консервации бедности, на чем мы подробнее остановимся в следующей главе.

По крайней мере не менее опасно и формирование у ее представителей специфического образа жизни с утратой надежды на изменение сложившейся ситуации, прекращением попыток что-то изменить в ней, ростом аномии и агрессивности, формированием новых идентичностей, иных моделей брачности и т.д. Длительное пребывание в бедности изменяет и круг общения людей, заменяя прежний круг на «себе подобных» (среди хронических бедных, как показывает исследование, две трети говорят о том, что в их круге общения три бедных семьи и более, в то время как среди представителей ситуационной бедности таковых в два с лишним раза меньше). Это ведет и к усвоению новых идентичностей, и к формированию новых поведенческих паттернов¹⁴.

¹⁴ Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33; Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5; Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социологические исследования. 2009. № 10.

С этой точки зрения очень важно, что, как показало исследование, более 90% тех, чья бедность длится более трех лет, не только являются представителями хронической бедности¹⁵, но и относятся одновременно как к бедным «по доходам», так и к бедным «по лишениям». Более того, свыше 70% их при этом признают, что они живут ниже «черты бедности». Таким образом, хроническая бедность – это своего рода «ядро» бедности в современной России. Именно хронические бедные имеют доходы ниже прожиточного минимума, являются носителями сформировавшихся идентичностей представителей бедных слоев населения, и к тому же их положение характеризуется многомерной депривацией. С учетом этого, хотя мы выбрали в качестве основного объекта своего анализа группы бедных «по доходу» и бедных «по лишениям», мы проверяли также некоторые выделенные тенденции и по хроническим бедным как «ядру» российской бедности, позволяющему лучше понять перспективы ее дальнейшего развития и проблемы, которые ждут российское общество в будущем в этой области.

В заключение рассмотрения российской бедности через призму разных методологических подходов к ней упомянем и о том, что при анализе бедности часто выделяют также и категорию «субъективной» бедности (бедность «по самооценке»), под которой подразумевается принятие на себя людьми идентичности бедных, характеристику самих себя именно как представителей бедных слоев населения. Выше уже отмечалось, что принятие этих идентичностей характерно лишь для «ядра» бедности и в массе своей бедные не хотят принимать на себя соответствующие идентичности: всего 40% бедных (в том числе 19% тех, кто был беден по одному из подходов, и 72% бедных по двум подходам одновременно) можно рассматривать как бедных «по самооценке», причем и среди бедных «по доходу», и среди бедных «по лишениям» соответствующие идентичности распространены в равной степени. Таким образом, *объективно бедность распространена в России гораздо шире, чем субъективная бедность, характеризующая в основном представителей наиболее тяжелых ее форм, когда недостаток текущих*

долгия, методы, математическое моделирование. 2011. № 33; Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5; Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социологические исследования. 2009. № 10.

¹⁵ В то же время три четверти тех, кто принял на себя идентичности бедных, по их словам, находились в бедности уже более трех лет, и лишь каждый двадцатый был в бедности менее года.

доходов сопровождается множественной депривацией и/или когда пребывание в бедности длится в течение ряда лет.

В то же время небедные россияне, в отличие от ситуации конца 1990-х – начала 2000-х гг., уже не стараются «прибедняться» и не принимают на себя идентичностей бедных: не случайно группа бедных «по самооценке» на 96% вошла в состав бедных «по доходам» или «по лишениям». Таким образом, если говорить о методологии выделения бедных, то сейчас наличие у респондентов соответствующих идентичностей, с одной стороны, более информативно, поскольку позволяет выделять именно бедных. С другой стороны, поскольку соответствующие вопросы в анкетах позволяют выделять лишь незначительную часть бедных, то использование их оправдано лишь в отдельных случаях, когда предметом анализа являются идентичности или ценности представителей бедных слоев населения.

Подведем итоги.

В современном российском обществе четко прослеживается ухудшение отношения к бедным, идут процессы их стигматизации, бедность чаще стала ассоциироваться с пьянством, а также другими асоциальными формами поведения. В то же время россияне в большинстве своем признают, что к бедности могут привести и не зависящие от людей обстоятельства: болезнь, смерть кормильца и т.д., которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют роковую роль. Результатами такого видения причин бедности становятся индивидуализация отношения к бедным, исчезновение четко выраженного отношения к ним как к единой социальной группе, «дробление» проблемы бедности в сознании населения на отдельные случаи бедности. В условиях сокращения численности бедных в последние годы и резкого уменьшения доли россиян, имеющих бедных в своем ближайшем окружении (с 82% в 2003 г. до 67% в 2013 г.), это приводит к тому, что идеология усиления адресности социальной помощи с ее главным критерием «степени нуждаемости», активно пропагандируемая в последние годы, приходит во все большее противоречие с жизненным опытом и видением приоритетов государственной поддержки населению со стороны рядовых граждан страны.

У россиян есть очень четкие представления о «черте бедности», т.е. о том уровне доходов, который обеспечивает прожиточный минимум. Если говорить о среднедушевых ежемесячных доходах, то в среднем по России «черта бедности» составляет сейчас, по мнению населения, немногим менее 9 тыс. руб., т.е. около 60% средних доходов основной массы россиян (без учета наиболее обеспеченных 3–5%,

практически не попадающих в выборки массовых опросов). Это хорошо корреспондирует с ситуацией в других странах, где нормальным считается именно такое соотношение. В то же время глубочайшая неравномерность распределения доходов в российском обществе, заниженность в нем уровня медианных доходов делает неприменимой в России монетарную версию относительного подхода к бедности или, по крайней мере, требует использования принципиально иной планки при ее использовании (70–75% медианы).

Официально установленная в России «черта бедности» (прожиточный минимум) ниже представлений о ней россиян примерно в 1,25 раза. Однако этот разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них, не учитываемую пока официальной методикой выделения бедных.

У россиян есть также очень устойчивое представление о том, что именно, наряду с низкими доходами, выступает признаками бедности. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства населения выступают плохое питание, недоступность приобретения одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется, свое свободное время, а детям – добиться того же, чего добивается большинство их сверстников. Эти представления практически не изменились за последние 10 лет, что позволяет применить для оценки бедности в России широко использующийся в мире депривационный подход, основанный на выделении бедных на основе испытываемых ими лишений. Применение этого подхода свидетельствует о том, что доля бедных «по лишениям» составляет в России около 25%.

Хотя использование критерия официально установленного для разных групп населения в регионах прожиточного минимума дает в социологических опросах практически ту же цифру бедных, что и по данным Росстата (13 и 13,8% соответственно), однако далеко не все бедные, выделенные в рамках этой методики, характеризуются многомерной депривацией или считают себя бедными. Бедные «по доходам», «по лишениям» и «по самооценке» – лишь отчасти пересекающиеся группы, общая численность которых достигает в современном российском обществе трети всего населения. Таким образом, реально бедность распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать, хотя и намного меньше, чем это было в 2003 г. и даже в 2008 г.

Несоответствие полученных в исследовании ИС РАН 2013 г. данных об общей численности бедных данным Росстата при практически полном совпадении данных по доле бедных «по доходам» свидетельствует о необходимости продолжения постоянно осуществляющейся статистической службой страны работы по совершенствованию методики выделения бедных, более полному учету в ней ряда обстоятельств: от разницы в стоимости жизни в разных населенных пунктах до особенностей потребительского поведения разных возрастных групп. Кроме того, оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов не совсем правильно, так как на реальном уровне жизни бедных очень заметно сказываются также накопленный ранее объем имущества, ресурсы, которые они могут привлечь через разные формы кредитов или псевдокредитов (фактически маскирующих простую помощь им со стороны окружающих), санкции, которые следуют (или не следуют) за невозврат этих кредитов в зависимости от того, где они были взяты, особенности здоровья членов домохозяйств, размер оплаты за услуги ЖКХ, различающийся в разных регионах и даже отдельных управляющих компаниях, и т.д.

Бедные россияне стараются сейчас, скорее, приукрасить свое положение, чем преувеличить собственную бедность, и это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от ситуации 1990-х гг., когда бедность обуславливалась в основном структурной перестройкой экономики и была распространена очень широко. Отказ многих бедных признавать себя таковыми является своего рода асимметричным ответом на стигматизацию бедных и свидетельствует о том, что постепенно в России становится стыдно быть бедным. В итоге многие реально бедные не готовы принять на себя эту социальную роль, даже теряя право на разного рода льготы и выплаты, им полагающиеся.

Российская бедность очень многогранна, неоднородна и чувствительна к инструментам ее измерения. Однако у нее есть свое «ядро» – это представители хронической бедности, характеризующиеся к тому же наличием у них соответствующих идентичностей. Численность этого «ядра» достаточно велика: минимум 4–5% всех россиян и 15% всех бедных, т.е. около 6–7 млн человек (без учета бомжей и подобных им категорий населения, поскольку выборки использовавшихся опросов включали в себя только имеющее официальную регистрацию население).